

Знаменский Д.Ю.

канд. полит. наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Государственный университет
управления», г. Москва

e-mail.ru: belyferz@list.ru

Российская национальная модель государственной политики: структура и особенности

Аннотация

Предметом исследования выступает сложившаяся в настоящее время в России модель формирования и реализации государственной политики. Целью настоящей статьи является анализ и развернутая характеристика основных отличительных черт указанной модели и выявление факторов, их обусловивших. При этом основное внимание автор уделит политико-культурному фактору, как фундаментальной основе национальной модели государственной политики в любой стране. В числе иных составляющих национальной модели государственной политики выделяют институциональный центр принятия политических решений, особенности системы представительства интересов, и технологии принятия политических решений. Первичные данные получены в результате заочного экспертного анкетирования, а также фокус-группового интервью. В статье дана развернутая характеристика российской политической культуры, в особенности восприятия гражданами основных институтов политической системы (государства и его ключевых институтов, политических партий, общественно-политических организаций и т. д.). При этом автор опирался как на результаты ранее проведенных исследований в указанной области, так и на последние данные Всероссийского центра изучения общественного мнения. Анализ особенностей восприятия гражданами основных политических институтов позволил сделать вывод об их прямой связи со спецификой отечественной системы политического представительства. Основным теоретическим результатом проведенного исследования заключается в обосновании авторского подхода к исследованию государственной политики. Доказано, что государственную политику следует трактовать как результат взаимодействия государства, институтов гражданского общества, научного, экспертного и делового сообщества при решающей роли первого. Не менее важным исследовательским результатом является обоснование авторского понимания национальной модели государственной политики, ее структуры и особенностей проявления в современной России. Практическая значимость полученных результатов обусловлена возможностью их использования при разработке концепций, стратегий и доктрин государственной политики в различных областях, а также программных документов политических партий и иных общественно-политических организаций.

Ключевые слова:

государство, гражданское общество, государственная политика, национальная модель политики, государственное управление, политическая культура, политические институты, политическое представительство.

Znamenskiy D.Yu.

Candidate of Political Sciences,
State University of Management,
Moscow

e-mail.ru: belyferz@list.ru

Russian national model of public policy: structure and special features

Abstract

The subject of the study is the current model of formation and implementation of public policy in Russia. The purpose of this article is to analyze and develop a detailed description of the main distinguishing features of this model and to identify the factors that caused them. At the same time the author focuses on the political and cultural factor as the fundamental basis of the national model of public policy in any country. Among other components of the national model of public policy the institutional center for the adoption of political decisions, the features of the system of representation of interests, and the technology for making political decisions are singled out. Primary data were obtained as a result of an in-depth expert questionnaire as well as a focus-group interview. The article gives a detailed description of the Russian political culture, especially the perception by citizens of the main institutions of the political system (the state and its key institutions, political parties, socio-political organizations, etc.). At the same time, the author relies both on the results of previous studies in this area and on the latest data from Russian Public Opinion Research Center. The analysis of the peculiarities of citizens' perception of the main political institutions made it possible to draw a conclusion about their direct connection with the specifics of the domestic system of political representation. The main theoretical result of the research is to substantiate the author's approach to public policy research. It is proved that the public policy should be interpreted as the result of interaction of the state, civil society institutions, scientific, expert and business community with the decisive role of the former. No less important research result is the substantiation of the author's understanding of the national model of public policy, its structure and features of manifestation in modern Russia. The practical significance of the results is due to the possibility of their use in the development of concepts, strategies and doctrines of public policy in various fields, as well as policy documents of political parties and other socio-political organizations.

Keywords:

state, civil society, public policy, public administration.

В настоящее время развитие российской политической системы можно охарактеризовать двумя, на первый взгляд, противоречивыми, тенденциями. С одной стороны, налицо видимая стабильность, что проявляется, помимо прочего, и в результатах последних выборов на всех уровнях публичной власти. Вместе с тем практика свидетельствует о невысокой результативности применяемых властью чисто субъективных и одновременно жестко запрограммированных административных методов государственного регулирования. Назрела необходимость в расширении набора методов политико-административного управления, четком целевом планировании, повышении роли поисково-прогнозных технологий, а также в экспертном обеспечении политических решений, т. е. расширении консультационной и информационной поддержки государственной политики в различных сферах общественной жизни [12]. С другой стороны, нельзя не отметить определенной динамики в части появления принципиально новых технологий политической коммуникации, эволюции политической роли СМИ и в особенности Интернета. В этой связи стоит согласиться с тем, что современный Интернет и, в частности, социальные сети превратились в мощный инструмент коллаборации людей и управления массами [5]. Кроме того, в контексте настоящего исследования отдельный интерес представляют изменения в системе представительства интересов и формирования приоритетов государственной политики. Все указанные тенденции, характерные для современного общества, безусловно, подчеркивают актуальность всестороннего изучения процессов развития отечественной политической системы.

Авторская трактовка национальной модели государственной политики базируется на различном характере протекания процессов формирования и реализации государственной политики, а также взаимодействия власти и общества по этому поводу в различных странах. Резонно предположить, что эти различия обусловлены как особенностями политической культуры того или иного общества, так и сложившимися политико-управленческими практиками. Основываясь на тех или иных исторических и политико-культурных условиях, в каждом обществе формируется национальная модель государственной политики, под которой следует понимать совокупность принципов формирования и реализации государственной политики, отражающих характер отношений между властью и обществом в той или иной стране [4].

Как представляется, в числе главных элементов такой модели необходимо выделить:

- 1) набор политических ценностей и образцов поведения, свойственных для того или иного общества (т. е. ее политико-культурные основы);
- 2) политический институт, выступающий центром принятия решений;
- 3) систему политического представительства;
- 4) технологии принятия политических решений (в т. ч. уровень участия институтов гражданского общества в этом процессе, а также в процессе реализации государственной политики и ее оценки).

Безусловно, ключевым фактором, влияющим на конкретную конфигурацию всех приведенных выше элементов, является культурно-исторический фундамент, на котором базируется общество в той или иной стране. К примеру, в странах сангло-саксонской политической системой с центром принятия решений скорее всего будет выступать парламент и ответственное перед ним правительство, что в свою очередь обуславливает ведущую роль политических партий в системе представительства интересов.

Характеризуя российскую модель государственной политики, нельзя не выделить такие тенденции развития нашей государственности, как:

- а) патернализм как стремление власти «опекать» общество;
- б) этатистский тип политической культуры общества, несамостоятельность институтов гражданского общества;
- в) традиционно низкую легитимность парламента и партийной системы [7; 8].

В этой связи представляется обоснованным мнение заведующей кафедрой политической психологии МГУ Е. Б. Шестопал, отмечающей, что политическая культура влияет на восприятие власти как призма сложившихся на протяжении столетий эталонных представлений о власти, сквозь которую воспринимается политическая жизнь общества. Иными словами, реальный образ власти включает в себя идеальный, который в свою очередь отражает элементы менталитета и национальной политической культуры [11].

Характер легитимности общественно-политических институтов современной России рельефно представлен в результатах исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ). Думается, что, несмотря на влияние известных внешнеполитических факторов, приведенные данные полностью релевантны политической культуре российского общества.

Так, по состоянию на январь 2018 г. уровень доверия к властным структурам выглядит так: армия – 85,4 %, Президент РФ (далее – РФ) – 82,5 %, Правительство РФ – 56 %, правоохранительные

органы – 53,3 %, Совет Федерации – 38 %, Государственная Дума – 20 %. Среди институтов гражданского общества наибольшим доверием пользовались: церковь – 69,9 %, средства массовой информации – 58,9 %, Общественная палата России – 37,3 %, партии и политические движения – 33,7 %, профсоюзы – 29,5 %.

Показательно, что рейтинг политических партий наглядно демонстрирует сложности формирования сбалансированной партийной системы в России. Так, по состоянию на март 2018 г. 23 % россиян не поддерживали ни одну из существующих партий, причем 16,2 % прямо затруднились ответить на данный вопрос. Доля сторонников партии «Единая Россия» составила 51,4 %. Рейтинги КПРФ и ЛДПР на момент опроса составили 9,1 % и 8,3 %, соответственно. Далее следовала «Справедливая Россия» (2,5 %). Значения рейтинга непарламентских политических партий в сумме составили 5,6 % [17].

Высокие значения показателей доверия к главе государства и силовым структурам, а также Правительству (фактически представляющему собой «команду» Президента), по всей вероятности, представляют собой российскую политическую традицию. К подобной традиции стоит также отнести невысокий уровень легитимности политических партий и других институтов гражданского общества, характерных для западных демократий. Таким образом, данные, полученные целым рядом авторских коллективов за годы исследований, свидетельствуют об устойчивой тенденции к персонификации власти в России.

Прошедшие в 2011–2012 гг. парламентские и президентские выборы наглядно продемонстрировали расколотость российского общества. Большая его часть полагала, что действующая власть, хоть и не до конца, но в целом справлялась с возложенными на нее обязанностями, обеспечивая порядок в стране. Другая, меньшая часть общества, напротив, была недовольна итогами выборов. Диссонанс в общественном мнении по поводу парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. привел к тому, что уровень поддержки действующей политической власти неуклонно падал примерно до ноября 2013 г.

При этом, исходя из результатов исследований, проведенных ВЦИОМ социологических опросов, значительная доля россиян в 2014 г. считала, что политическая система страны нуждается в изменениях (52 %), или что ее необходимо радикально изменить (18 %). Полностью устраивала политическая система 18 % граждан, затруднились ответить 12 %. То же исследование показало, что значительная часть респондентов чувствует отчуждение общества от государства: 69 % респондентов считали,

что не могут повлиять на политические процессы, и только шестая часть граждан высказали обратную точку зрения (17 %) [6].

В данном случае налицо принципиальное различие российской и западной моделей публичной политики: в последнем случае государству как правило оппонирует сильное гражданское общество. Если устойчивость западного общества зависит от горизонтальных связей, то стабильность российского определяется иерархической структурой властных отношений [10].

Рассматривая институциональный дизайн российской модели государственной политики, следует обратить внимание на такие политические институты, как:

- а) государство;
- б) политические партии;
- в) общественно-политические движения;
- г) разнообразные формальные и неформальные группы интересов и группы давления [2; 4].

Центральная роль государства в политической системе любой страны не вызывает сомнений. Это обусловлено особой функцией данного института – выступать и действовать от имени всего общества, а не отдельных социальных групп. Вместе с тем представляется справедливым мнение А. В. Герасимова и К. В. Жигаевой относительно того, что суть государства и закономерности его развития наиболее полно раскрываются во взаимосвязи с гражданским обществом [1]. Нельзя не отметить также значимость их текущего, не связанного с электоральными циклами, взаимодействия, что в первую очередь актуально для решения тех проблем, которые ни общество, ни государство не могут решить самостоятельно.

В процессе формирования государственной политики неоспорима ведущая роль Президента РФ и Правительства РФ, что обусловлено прежде всего их конституционно-правовым статусом. Это подтверждают и результаты исследования Е. Б. Шестопал, в которых отмечается ведущая роль президента страны в сложившемся институциональном дизайне отечественной политической системы [11].

Одновременно вышеозначенная специфика отечественной политической культуры, а также сложившаяся в российском государстве политическая практика обуславливают весьма низкий уровень участия представительных органов государственной власти и институтов гражданского общества в процессах формирования государственной политики.

Как свидетельствуют авторы уже упоминавшегося монографического исследования «Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России»,

институт парламентаризма в его нынешнем состоянии плохо отражается в восприятии граждан [11]. Под вопрос ставятся:

- 1) «повестка дня» Государственной Думы и качество принимаемых законодательных решений;
- 2) профессионализм депутатов и их персональный состав;
- 3) дисбаланс властной системы, выражающийся, по мнению многих экспертов, в фактически подчиненном положении парламента.

Еще более незначительную роль в восприятии граждан играют негосударственные политические институты, характерные для западных демократий, в т. ч. политические партии. Думается, это связано с несовпадением декларируемых ими ценностей реальному вектору их деятельности, а также тем, что отдельные сферы общественной жизни (например, наука и образование) вообще могут «выпадать» из программных документов некоторых партий [3].

Таким образом, партийная система современной России может быть охарактеризована как формально многопартийная, но с доминированием «Единой России» как правящей партии. Практическим результатом сложившейся ситуации стало то, в своей деятельности правящая партия опирается в первую очередь не на диалог с гражданским обществом и избирателями, а на административную поддержку и высокую личную легитимность действующего главы государства. Резюмируя все сказанное выше, следует согласиться с представителями научной школы политической психологии МГУ, характеризующих общее отношение граждан к современной российской власти как «поддержку конкретному властному лицу в условиях недоверия ко всем институтам» [11].

В свете вышеизложенного представляется закономерным предположение о прямом влиянии выявленных в настоящем исследовании институциональных особенностей российской модели государственной политики на специфику сформировавшейся в современной России системы политического представительства.

Предваряя обзор каналов представительства интересов, характерных для современной российской политической системы, представляется необходимым обратиться к общемировым контекстам. В частности, отношения между государством и гражданским обществом следует рассматривать в двух аспектах: «количественном», характеризующим степень «погружения» государства в общество и его участие в управлении общественным развитием, и «качественном», связанным с применением конкретных механизмов взаимодействия между обществом

и властью, что и выступает основой функционирования всей политической системы [9].

Вопрос о «количественной» стороне указанных отношений касается уровня развития институциональной подсистемы политической системы общества (в том числе партийной системы, различных групп интересов и иных институтов гражданского общества) и представляется предельно ясным. Что касается второго аспекта, то анализ мировой практики функционирования современных политических систем (в первую очередь – в странах Западной Европы и США), позволяет вычленить два основных механизма взаимодействия государства и гражданского общества. Речь в данном случае идет о принципиально различных системах представительства интересов. Первая, связанная с электоральным представительством, основывается главным образом на территориальном принципе и осуществляется через посредство политических партий [9].

Вторая система, гораздо менее изученная, в том числе в рамках отечественной политологии, заключается в функциональном представительстве интересов. Основным актором здесь, помимо государства, выступают уже не партии, а разнообразные группы и объединения по интересам. В то же время со стороны государства ключевым субъектом взаимодействия становятся органы исполнительной власти, хотя в последние десятилетия в данные процессы все активнее включаются парламентские структуры [9].

Анализ отечественной научной литературы позволяет выявить наиболее острые проблемы функционирования системы представительства интересов в нашей стране. Так, Ю. А. Красин справедливо признает недостаточную развитость артикуляции общественных интересов в российской публичной сфере. Это, по мнению указанного автора, объясняется слабой кристаллизацией интересов тех или иных социальных групп, аморфностью социальной структуры, неразвитостью институтов гражданского общества [10]. В соответствии с метким замечанием А. Ю. Сунгурова, российская политика в настоящее время – даже не государственная, а «государева» [13].

В результате вместо развития открытых и прозрачных механизмов формирования публичной политики в обществе и государстве находят все большее применение разнообразные теневые, латентные технологии представительства интересов и определения государственных приоритетов. Кроме того, если прибегнуть к классификации Д. Истона, российскую политическую систему следует отнести к полузакрытому типу, причем все большее значение в ней приобретают механизмы корпоративного, а не партийного представительства [16].

Резонно предположить взаимосвязь этой тенденции как с доминирующей ролью исполнительной ветви власти, так и с уже отмеченной выше спецификой отечественной партийной системы.

Автор считает, что означенная ситуация делает актуальным развитие новых институтов политического опосредования. В числе таковых, по мнению одного из ведущих отечественных политологов А. Ю. Сунгурова, следует отнести:

- 1) «фабрики мысли» (англ. – think-tanks) и центры публичной политики;
- 2) общественно-консультативные советы и другие аналогичные структуры (в том числе общественные советы при органах исполнительной власти различного уровня, общественные палаты, как общероссийская, так и региональные, и др.);
- 3) институт уполномоченного по правам человека (омбудсмена) и аналогичные ему [13]. Данные структуры объединяет одна ключевая функция – политическая медиация, т. е. посредничество между властью и заинтересованными группами по поводу того или иного направления публичной политики или конкретного проекта.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время влияние подобных институтов и степень их участия в функционировании политической системы, как на Западе, так и в России, неуклонно растет. В то же время, отечественный опыт взаимоотношений власти с указанными институтами-медиаторами, в том числе в рамках формирования и реализации государственной политики, еще нуждается в осмыслении и детальном анализе.

В целом нельзя не констатировать преимущественно непубличный характер процесса выработки властных решений, в том числе приоритетов государственной политики в современной России. Участие гражданского общества (в первую очередь – определенного достаточно узкого круга экспертов и групп интересов) при этом зачастую весьма ограничено [4].

Вообще, характеризуя формат взаимодействия власти с экспертным сообществом, большинство отечественных политологов выделяют две главные функции последнего: инструментальную (реализуемую в случае фактической заинтересованности политического руководства в экспертном мнении в той или иной сфере публичной политики) и символической (в рамках которой роль эксперта сво-

дится к подтверждению и легитимации заведомо принятого решения) [14]. Безусловно, зачастую представителей государственной власти интересует не столько мнение экспертов само по себе, сколько возможность опереться на их авторитет при реализации уже определенных политических приоритетов. Тем самым власть стремится заверить общество (в том числе возможных критиков проводимой политики), что предпринимаемые шаги согласованы и одобрены экспертным сообществом, а, следовательно, легитимны, рациональны и полезны.

В этой связи представляется логичным разделение экспертного сообщества на две принципиальных группы: экспертов и экспертные организации, функционирующие вне органов государственной власти, и экспертов, интегрированных во властные структуры [14]. Примечательно, что в последнем случае для эксперта на первом месте в числе приоритетов скорее окажется соблюдение принципов субординации и лояльности, нежели объективная истина и свобода мыслей. Иными словами, находящийся на государственной службе эксперт в значительной степени теряет свою академическую свободу. Попытки создания в рамках органов государственной власти (в том числе в структуре Администрации Президента РФ, Аппарате Совета Федерации и Аппарате Государственной Думы) экспертно-аналитических подразделений с более свободной, творческой внутренней культурой, к сожалению, не были доведены до логического завершения, и к настоящему времени подобные структуры либо расформированы, либо встроены в традиционную бюрократическую иерархию.

Думается, что описанная выше ситуация во многом опирается на исторические корни. Следует напомнить, что политическое руководство страны, как в советский, так и в дореволюционный период, не нуждалось в публичных механизмах формирования общественного мнения и политической воли [10]. Вместе с тем, в современных условиях понимание государственной политики как односторонней деятельности государственных органов представляется необоснованно узким. В этой связи думается, что государственная политика есть не что иное, как результат взаимодействия государства, институтов гражданского общества, научного, экспертного и бизнес-сообщества при решающей роли первого.

Библиографический список

1. Герасимов, А. В. Государственная власть и гражданское общество в современной России: проблемы взаимодействия: монография / Герасимов А. В., Жигаева К. В. – М.: МГГЭУ, 2014. – 177 с.

References

1. Gerasimov A. V., Jigaeva K. V. Gosudarstvennaya vlast' i grajdanskoe obshestvo v sovremennoy Rossii: problemy vzaimodeistvija [State and Civil society in modern Russia: problems of interaction] Moscow, MGGEU, 2014.

2. Знаменский Д. Ю. Участие политических институтов в процессе формирования государственной научно-технической политики Российской Федерации / Знаменский Д. Ю., Михалина О. А. // Вестник университета. — 2013. — № 8. — С. 191–195.
3. Знаменский Д. Ю. Политические институты в процессе формирования государственной научно-технической политики. Монография. М.: ГУУ, 2015. — 138 с.
4. Знаменский Д. Ю. Теоретико-методологические основы исследования государственной политики // Социодинамика. — 2016. — № 3. — С. 86–97.
5. Керре М. С. Социальные сети: больше, чем средство коммуникации // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: материалы I Международной научно-практической конференции. Вып. 1. — М.: Издательский дом ГУУ, 2017. — С. 117–122.
6. Левашов В. К. Современное состояние гражданского общества в России. XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 г. / В. К. Левашов, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина, И. С. Шушпанова — М.: ИСПИ РАН, 2014. — 63 с.
7. Лопарев А. В. Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России (историко-политический аспект) // Власть. — 2009. — № 6. — С. 128–132.
8. Омельченко Н. А. О понятии «государственность», традиционных основах, условиях и факторах формирования российской государственности // Вестник университета (Государственный университет управления). — 2013. — № 20. — С. 55–61.
9. Перегудов С. П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М.: РОССПЭН, 2011. — 430 с.
10. Публичная политика в России: По итогам проекта «Университет Калгари — Горбачев-фонд». М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 358 с.
11. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: монография / по ред. Е. Б. Шестопал. — М.: АРГА-МАК-МЕДИА, 2015. — 420 с.
12. Соколов В. В., Малик Е. Н. Государственная и публичная политика: учебное пособие для магистратуры / В. В. Соколов, Е. Н. Малик — Орел, Изд-во ОФ РАН-ХиГС, 2016. — 238 с.
13. Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы / А. Ю. Сунгуров. М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 382 с.
14. Сунгуров А. Ю. Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. — 2017. — № 6. — С. 8–15.
15. Всероссийский центр исследования общественного мнения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 09.02.2018).
16. Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. Prentice-Hall. Englewood Cliffs, N.J. 1966. — 468 p.
2. Znamenskiy D. Y., Mikhalina O. A. Uchastie politicheskikh institutov v processe formirovaniya gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy politiki Rossijskoj Federacii [*Participation of political institutes in process of elaboration of public scientific and technical policy in Russian Federation*] // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennij universitet upravlenija) [*Bulletin of the University (State University of Management)*], 2013, I. 8, pp. 191–195.
3. Znamenskiy D. Y. Politicheskie instituti v processe formirovaniya gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy politiki [*Political institutes in process of elaboration of public scientific and technical policy*] Moscow, GUU, 2015. 138 p.
4. Znamenskiy D. Y. Teoretiko-metodologicheskie osnovi issledovaniz gosudarstvennoj politiki [*Theoretical and methodological bases of public policy research*] // Sociodinamika [Sociodynamics]. 2016. I. 3. pp. 86–97.
5. Kere M. S. Social'nie seti: bol'she, chem sredstvo kommunikacii [*Social networks: more than way of communication*] // Shag v budushee: iskusstvennij intellekt i cifrovaja ekonomika: materialy I Mezdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [*Step to future: e-intellect and digital economy: materials of 1st International Conference*]. Moscow, GUU, 2017, Vol. 1. pp. 117–122.
6. Levashov V. K., Afanasyev V. A., Novozhenina O. P., Shushpanova I. S. Sovremennoe sostoyanie grazhdanskogo obshestva v Rossii. XL etap sociologicheskogo monitoringa, Ijun' 2014 [*Modern situation of civil society in Russia. XL stage of sociological monitoring, June 2014*]. Moscow, ISPI RAN, 2014.
7. Loparev A. V. Nacional'nie osobennosti vzaimootnosheniya gosudarstva i grazhdanskogo obshestva v Rossii (istoriko-politicheskij aspekt) [*National specific of relations between state and civil society in Russia (historical and political aspects)*] // Vlast' [Authority]. - 2009. I. 6. pp. 128–132.
8. Omel'chenko N. A. Oponiatii «gosudarstvennost'», tradicionnih osnovah, usloviah i faktorah formirovaniya rossijskoj gosudarstvennosti [*About the concept of «statedship», traditional bases, conditions and factors of Russian statedship*] Vestnik Universiteta (Gosudarstvennij universitet upravlenija) [*Vestnik of the University (State University of Management)*]. — 2013. I. 20. pp. 55–61.
9. Peregudov S. P. Politicheskaja sistema Rossii v mirovom kontekste: institute i mehanizmi vzaimodejstvija [*Russian political system in global context: institutes and mechanisms of interaction*] Moscow, ROSSPEN, 2011.
10. Publichaja politika v Rossii: Po itogam proekta «Universitet Kalgari — Gorbachev fond» [*Public policy in Russia: by results of the project «University of Calgary — Gorbachev Found»*]. Moscow. Alpina Business Books press. 2005. — 358 p.
11. Putin 3.0: obshestvo i vlast' v novejshej istorii Rossii [*Putin 3.0: society and authority in Russian modern history*] ed. by E.B. Shestipal. Moscow, ARGAMAK-Media, 2015.
12. Sokolov V. V., Malik E. N. Gosudarstvennaja i publichnaja politika [*State and public policy*]. Orel, RANEPa-Press, 2016.
13. Sungurov A. Y. Kak vznikaut politicheskie innovacii: «fabriki misl'» i drugie instituti-mediatori [*How political innovations appear: «think-tanks» and other institutes-mediators*] Moscow, Politicheskaja encyclopedia, 2015.
14. Sungurov A. Y. Rol' i funkicii ekspertov v processe prinyatija vlastnih reshenij [*Part and functions of experts in the process of political decisions acceptance*] // Upravlencheskoe konsultirovanie [*Management consulting*], 2017, I. 6, pp. 8–15.
15. Vserossijskij centr issledovanija obshestvennogo mnenija [*Russian center of research ob public opinion*]: <https://wciom.ru/> Date: 09.02.2018.
16. Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. Prentice-Hall. Englewood Cliffs, N.J, 1966. 468 p.